

ВОЙНА, НАРОД, ПОБЕДА
РОМАН В ПИСЬМАХ
(1941-1945 гг.)

Продолжение. Начало в №№ 60—61, 63—64.

Сотни писем с фронта прочитано за эти годы. И во многих из них звучит имя Сталина. С фронтовых конвертов смотрит его портрет, на почтовых открытках его цитаты. Сейчас с высоты открывшейся нам правды многое в истории Отечественной войны переосмысливается по-новому. Мы еще не до конца знаем, к каким тяжким последствиям привело единовластие Сталина, его политика широких репрессий армейских кадров, игнорирование информации наших разведчиков, военачальников о том, что враг уже стоит на пороге наших границ и его непрофессиональное вмешательство, в ход военных операций. Как стало нам известно из опубликованного в Печати доклада Первого секретаря, ЦК КПСС т; Хрущева Н. С. «О культе личности и его последствиях» (цитирую), «за всю Отечественную войну он (Сталин—Н. К.) не был ни на одном участке фронта, ни в одном из освобожденных городов, если не считать молниеносного выезда на Можайское шоссе при стабильном состоянии фронта, о чем написано столько литературных произведений со всякого рода вымыслами и столько красочных полотен».

Хвастливый тон нашей довоенной и военной печати («ответим на удар врага тройным ударом»; «будем вести войну на территории противника и выиграем ее малой кровью» и т. д.) вызывал порой шапкозакидательские, настроения и оптимизм, не подкрепленный практическими делами.

С болью читаешь солдатские клятвы родным: «В наступающем (1942, 43, 44 году) враг обязательно будет разбит. Победа будет за нами». Шли годы, а враг все топтал нашу землю, и до победы было еще так далеко. И в письмах с фронта солдаты обращались к невестам и женам с призывами быть верными им, как они верны Отечеству. «Фронт. Зюечка! При всех обстоятельствах жизни будь верна тому, что создали мы сами за время долго временной нашей сердечной дружбы».

В мыслях ты моя верная жена. Но если в суровом и жестоком бою буду сражен вражеской пулей, то вспоминай меня, как верного и преданного друга, меня, лейтенанта Коновалова.

Пишу на немецкой бумаге и конверте. Немцы удрали и побросали»...

Прошли полмесяца непрерывных боев, и вдруг неожиданная командировка в Москву. Новогодней ночью в гостиничном номере ЦДКА с затемненными окнами он сел к столу, написал первые слова: «Любимая, дорогая моя Зюечка» и надолго задумался. В памяти проплывало пережитое. Каждый день в последний месяц перед глазами звериный лик фашизма. Казалось бы всего месяц войны. Нет! Целый месяц! Ведь на войне у времени иное наполнение... Часы пробили двенадцать. Начался 1942 год, год тревоги и надежд.

«1 января 1942 года. Москва, гостиница ЦДКА.

С новым годом, любимая, дорогая моя Зюечка! Сегодня прибыл с фронта в Москву, в командировку на несколько дней. Проехал вдоль Западного фронта, был в городе Калинин, Клину, Солнечногорске, ныне освобожденных от немецких оккупантов. Города представляют страшную картину: одни развалины, торчат голые

трубы. Нет дома, который бы не был поврежден. Только маленькие деревянные домики кое-где уцелели, да и те без окон и дверей. Клин и Солнечногорск понесли чуть меньшие разрушения. Я ехал по Ленинградскому шоссе. По сторонам его валяются разбитые Немецкие танки, автомашины. Немецкие самолеты бомбят нашу колонну. Но они успели сбросить одну — две бомбы и были обстреляны из пулеметов (нельзя же по всей линии фронта удерживать врага авиацией) и обращены в бегство. Скоро придет конец гитлеровцам. Священная советская земля должна быть освобождена.

Лейтенанта Михалева отослали в другую часть. Так что долго не увидимся. Очень жаль, что теперь буду служить и воевать без Миши.

Дни для меня трудные и суровые, но я в эти дни не забываю тебя. Какая ты дорогая, милая мне...»

И снова передовая.

«28 января 1942 года. Фронт.

Привет с фронта!

... Сибирь и ты остались вдали, но хочется знать обо всем и обо всех... Бьем и гоним немецких псов с родной земли. Отступают! Бегут! Когда же принимают бой, каждый раз он для них поражение. Я вступил в бой с момента возвращения из Москвы. Пока невредим. Приходится переносить трудности и неожиданности в каждом бою, ибо бой — это испытание моральных и физических сил. Все пережитое не поддается описанию.

Зоя, как часто я вспоминаю тебя. Я вернусь с полной победой над врагом.

Жди меня и отзовись».

Он пишет и не получает ответа, почта не успевает за стремительно наступающей армией. Только в мае, почти через полгода после прибытия на фронт он получил долгожданное письмо.

«30 мая 1942 года. Усть-Кяхта.

Дорогой мой Ваня! Весть с фронта от родного человека — большая радость. Сердце наполняется тревогой, но и гордостью, и радостью: ты бьешь фашистов, ты жив! Получаю письмо — конверт подписан твоей рукой. Значит, ты жив, с тобой все благополучно. Читаю я не одна. Иногда подруга Надя не дожидается меня, распечатает, прочтет. Как только я на порог — она сообщает: «Ваня жив и здоров». Принимаюсь читать. Перечитываю несколько раз. Кладу письмо близко, чтоб можно было перечитать в любой удобный момент. Дороги, написанные тобой строчки. Вглядываюсь в каждое слово, в каждую букву. Хочу знать о тебе все. Ежедневно гибнут люди, а это все братья, отцы, любимые наши. Жаль, что мы, тыловики, кроме материальной помощи ничем не можем помочь. Но придет час, когда Гитлер будет изгнан с нашей территории. Он будет выброшен, как глубоководная рыба бывает выброшена на поверхность. Будь смел и отважен, мой милый».

«24 февраля 1942 года. Фронт.

О своей боевой жизни много писать не буду. Жив, здоров. Сейчас отмечаем

двадцать четвертую годовщину Красной Армии. Писал тебе много писем. Хочется все знать о твоей жизни, о твоих мыслях. Как ни тяжело ждать, но придет время и, если буду, жив, я вернусь к тебе.

Его письма все короче и суровее.

Вез даты. «Западный фронт.

Сообщаю адрес:

Действующая армия, 48 полевая почта, подразделение 1126, 1 батальон, взвод связи Зоя, теперь много писать не смогу, ибо время и место не всегда этому благоприятствуют Целую, люблю.

Твой Ваня»,

«2 марта 1942 года. Усть-Кяхта.

Здравствуй, мой любимый Ваня!

Прими привет из далекой Сибири и одно пожелание — бить врагов и быть здоровым. Наконец-то я вновь получаю от тебя письма. Вся жизнь теперь ожидание. В суровые дни и в жестоких схватках с врагом в твоём сердце находится место и для меня. Твои письма вызывают стремление отдать всю свою энергию для Родины. Очень хорошего мнения о тебе мои родители. Подруги тоже хорошо отзываются о тебе. Наша четырехлетняя дружба незабываема. Я жду твоего возвращения с поля битвы. Как я переживала и переживаю сейчас за тебя. Часто вижу тебя во сне. Спрашиваю: «Ты, почему стал какой-то молчаливый?» А ты ничего не говоришь. Я навсегда верна тебе. Пусть письмо мое потеряется, и написанные строки сотрутся, но останется вечной моя верность и любовь к тебе, мой любимый. Я иду вместе с тобой. Моя рука в твоей руке. Круши врагов ураганным огнем. И возвращайся домой невредимым.

Ваня, напиши мне имя и отчество твоей мамы».

«Февраль 1942 года. Фронт.

Нахожусь в Смоленской области. Настала пора освобождать земли, временно захваченные оккупантами. Гоним и бьем беспощадно.

Крепко запомнят, кто уцелеет, на что способна Россия и ее солдаты.

Фронт... Война... Трудности и неожиданности боя... Можно бы многое тебе рассказать, описать эпизоды личного участия. Но война не закончена, немцы на нашей земле. Как хотелось бы быть в бою вместе с друзьями по учёбе в техникуме. Как идет твоя тыловая учительская работа? Воспитывай хорошо. Вноси вклад в воспитание патриотов, чтоб и дети не знали страха в борьбе за Отчизну. Воспитываемый смелых патриотов СССР. Работа с населением...

С сентября опять о тебе ничего не знаю».

Письмо, которое сейчас прочтет читатель, вернулось с фронта, не найдя адресата.

«14 марта 1942 года. Усть-Кяхта.

...Ты уже седьмой месяц обо мне ничего не знаешь. Я не знаю твоего адреса. Где ты? Я понимаю, что находишься в трудной и напряженной обстановке, когда дорога каждая минута. От этого зависит победа. Будь, мой милый, отважен, смел и мужествен. Мы с Надюшей живем прямо в школе. Работы хватает. Каждый выходной с ребятами ходим на воскресники. Участвуем в работе активно. Из дома

сообщили, что мой брат Коля (1923 года рождения) призван и армию. Возможно и отец будет призван, тогда придется думать о семье мне».

Без даты. «Фронт.

Зюечка! Прими боевой красноармейский привет! Живу самой настоящей фронтовой жизнью. Трудные и ответственные задачи приходится решать в бою, не считаясь с собственной жизнью. Не представлял я себе настоящий бой. Когда ехали с Мишей на Москву, только что, окончив военное училище, мы, молодые командиры-лейтенанты, по-разному представляли бой. Бывало, посмотришь из эшелона ночью на снежную гладь — такой враждебной она казалась, ибо знали: едем в бой. Знали: воевать придется и зимой и ночью. Но сибиряки привычны к суровой зиме, и от жгучей ненависти к врагам отступают всякие сомнения. Многие вспоминали годы студенчества, братву нашу. Было бы прекрасно идти в бой с друзьями. Мы с Мишей мечтали быть вместе. Наша мечта частично сбылась, попали в одно соединение, но видеть друг друга не могли. А сейчас я могу только предполагать, жив ли он, ранен или убит. И он обо мне не знает ничего. Зоя, прошу, если он написал тебе, извести его обо мне. Адрес мой он знает. А была бы ты ближе, взял бы тебя санитаром! Не возражаешь? От тебя, как говорится, ни слуху, ни духу. Почему не пишешь? Я жив. Я по-прежнему живу тобой, твоей верностью и любовью. Живу всем, что связано с нашей дружбой. Возможно, напрасны мои мечты и стремления. Но я хочу жить».

Солдатская судьба милостиво обойдется с Иваном Илларионовичем Коноваловым. Он вернется домой. Но это будет не скоро. А пока в составе 4-й ударной Армии, 1126-го стрелкового полка он идет фронтовыми дорогами.

«Мы наступали обычно ночью, — вспоминает Иван Илларионович. — Запомнились тяжелые бои под Хариново, за город Велик. Мы укрепились на берегах озера, поросших редким сосновым лесом. Глубокий снег, - чуть свернешь — по пояс провалишься. Все тропы фашисты заминировали. Шли под сильным минометным огнем. Откуда-то вдруг появились фашистские самолеты, снизились метров на 200 и начали ожесточенно бомбить. Спасло то, что бомбы падали на лед озера, лёд был нетолстый, бомбы проваливались под лед и взрывались в озере. Это несколько уменьшало наши потери. Тяжелым было наступление 4 декабря в районе ст. Нелидово. Наше подразделение разгромило целую немецкую группировку».

При контрнаступлении в боях за город Велик лейтенант Коновалов, в сложных условиях боевой обстановки уничтоживший немецкий орудийный расчет, был представлен к награде орденом Красной Звезды. А вскоре в боях под Смоленском он был ранен.

«Это случилось 18 марта, Заснеженное поле. Сосновый лесок. Немцы ведут зверский минометный огонь. Немецкие автоматчики ни на шаг не дают продвинуться нашим бойцам. Мои ребята были еще молодые, необстрелянные, вчерашнее пополнение. Они старались быть вместе, группировались по несколько человек. Живая мишень для фрицев! Подползешь, в валенок ткнешь: расползайтесь, мол. Мина какая прилетит — всех сразу зацепит. Мы рассредоточились и подобрались ближе к фашистам, так что снаряды уже перелетали нас. Неожиданно застрочила «кукушка». И стреляют в сторону старшего командира, комбата. Думаю: отвлеку немцев и возьму на себя левый фланг. Иначе нас окружают и уничтожат. Так и сделали. Нам удалось остановить врага. Но неожиданно

впереди — совсем рядом — разорвалась мина и ее осколки поразили мне лицо. Первое, что увидел, когда очнулся — моя черная вязанная варежка на белом снегу. Мамина варежка...»

Любое ранение — беда. Лицевое удручало вдвойне. Щеки нет, губы разорваны, нос совсем скошен осколком. Спустя три месяца уже из Казанского госпиталя он ответит на вопрос невесты, как все это случилось, и, что он подумал, придя в себя.

«3 июня 1942 года. Казань, госпиталь.

...Не знаю, сколько я был без сознаний. Очнулся, не пойму, что со мной. В голове невообразимый шум. Вспомнил, что очень близко разорвалась мина. Боли уже не чувствую, дотронулся до лица и белый маскхалат (рукав его) мгновенно стал красным. Я иди про себя, или вслух произнес: «Хорошо, что жив». Попытался говорить сам с собой. Чувствую, звуки издаю. В рост идти нельзя. Пули осыпали землю, но, будучи на краю гибели, шел. Потом веди наши, потом вез крестьянин на лошади.

Кормили через трубочку, рот не открывался, зубы выбиты, а оставшиеся повреждены. На всех промежуточных станциях ставят штамп «Срочно эвакуировать». Так я оказался в Москве, потом в Казани. Сейчас выхожу на улицу, греюсь на солнышке. Ничего, родная. Мы еще с тобой потанцуем, Зоенька...»

Собрав все силы, поднялся он тогда на ноги. Идти, идти, — приказывал себе. — Иначе изойдешь кровью». Его увидел командир взвода, лоскутом от маскхалата наложил на лицо повязку, тотчас пропитавшуюся кровью, и вывел из боя. Какой-то крестьянин на лошади увез в полевой госпиталь. 20 швов. Все лицо обезображено. Когда чуть поутихла боль, начал мучить голод. Желудок просил пищи, а есть, было, нечем. На товарняке его доставили в Москву.

Зоя узнала о случившемся только через два с половиной месяца.

1 июня 1942 года. Усть-Кяхта

Захожу в учительскую (Надя уже прочла письмо, у нас с ней не было секретов). Сидит на стуле и как-то странно смотрит на меня. Потом говорит: «Вот от Вани. Читай». Сердце дрогнуло. Что с тобой? Жив ли? Как вынуть из конверта письмо. Собрала силы, читаю: «Ранен осколком мины...» Опустилась на стул и дала волю слезам. И ответить некуда. Нет обратного адреса. Получила твою телеграмму — опять адреса нет. Послала телеграмму в город Казань, на почтовое отделение — ответа нет. Почему же ты не пишешь, что с тобой? Почему только через два месяца ты написал мне о случившемся и то самыми общими словами.

Дорогой мой! Не расстраивайся. Брат твой Андрей должен заменить тебя на фронте».

Младший политрук А. Коновалов в это время уже направлялся на Сталинградский фронт.

Без даты. «Казань, госпиталь.

Нам нет сейчас возможности быть вместе. Но будущее — за нас. Зоя, дорогая, ты спрашиваешь, будут ли еще преграды для нашей встречи. Мне лежать в госпитале придется долго. И в самом деле, нам на встречи не везет. После окончания действительной службы надо было вернуться к тебе, а тут Гитлер объявил войну. По

состоянию здоровья я пока не годен для службы, даже тыловой. Зоя, ты пишешь, что счастье в наших руках. Я согласен. Но счастье люди завоевывают. Наше счастье — в разгроме фашизма и верном ожидании встречи. Я так хочу поцеловать тебя за верность нашей договоренности и клятве, за сердечную любовь. Но, Зоя, послушай, если буду, жив и во мне будет биться сердце, наша встреча обязательно состоится. Во мне непоколебима вера в наше будущее счастье. Знай, я жив, и меня, как и тебя, никогда не испугают трудности».

«29 апреля 1942 года. Улан-Удэ.

Ты находишься далеко от своего родного края и от меня. Пусть это письмо напомнит тебе обо мне. Я никак не могла найти тебя, не зная твоего адреса. Хотела разыскать тебя через радиоцентр, но моя попытка не удалась. Я люблю тебя, Ваня. Выздоровливай побыстрее, поправляйся. Восстанавливай утраченные в борьбе с коварным врагом силы. Я очень жалею, что в трудный момент ничем, кроме писем, не могу тебе помочь. Был бы ты поближе... Найдем же силы и терпение, чтобы перенести все удары и выйти победителями.

В моей жизни больше изменений нет. Наступает конец учебного года, но конца работы не будет. Мужчин в нашем коллективе нет: все на фронте».

Н. КОРОБЕНКОВА.
Продолжение следует.